

РЕЦЕНЗИИ

«Творительный падеж в славянских языках», под ред. С. Б. Бернштейна. — М., 1958. 376 стр. (Ин-т славяноведения АН СССР)

Творительный падеж в отдельных славянских языках изучается уже давно и ему посвящена значительная литература (исследования Я. Лося на материале польского языка, М. Ивича на материале сербскохорватского языка, Е. Седелникова на материале русского языка и др.). Однако рецензируемая работа, охватывающая употребление творительного падежа в пределах славянской языковой группы, имеет совершенно иной характер и, в сущности, является единственной в своем роде, если не считать раздела, посвященного творительному падежу, в IV томе уже сильно устаревшей «Сравнительной грамматики» Ф. Миклошича. Работа представляет собою вообще первую крупную публикацию в области сравнительно-исторического синтаксиса славянских падежей и поэтому заслуживает пристального внимания и оценки как с точки зрения методики исследования, так и с точки зрения приводимого фактического материала и изложения.

Вводная глава «Методы и задачи изучения истории значений и функций падежей в славянских языках» (автор — С. Б. Бернштейн) содержит краткий обзор истории изучения падежных значений, обоснование целей и задач исследования и определение основных положений, на которые исследование опирается.

Исходное значение творительного падежа оформилось в дославянский период. Поэтому его поиски, равно как и разрешение вопроса о происхождении древнейших флексий творительного падежа, не являются непосредственной задачей слависта. Они и не могут иметь успеха без предварительного изучения развития значений падежной формы в отдельных языках и языковых группах. Учитывая особенную устойчивость и распространенность социативного и инструментального значений творительного падежа в славянских языках, можно полагать, что эти значения были наиболее древними, хотя «самым древним значением могло быть такое значение, которое позже в результате ряда причин ослабло, стерлось и, возможно, совсем вышло из употребления» (стр. 14). Локальное значение для творительного падежа едва ли является столь же древним, поскольку оно нигде

(и не только в славянских языках) не занимает господствующего положения, и произвести от него значения орудийное и социативное довольно трудно. Иного же более древнего значения для творительного падежа материал индоевропейских языков, по-видимому, не позволяет предположить.

Производные значения падежной формы вначале сохраняют связь с ее основными значениями. Постепенно эта связь ослабевает, прекращается, возникают новые основные значения. Разрыв связей между основными значениями творительного падежа имел место уже в праславянскую эпоху; поэтому исследователи славянского творительного падежа вынуждены ограничиться изучением основных значений, не устанавливая связей между ними (стр. 14, 24). Отметим, что в дальнейшем авторы исследования все же в отдельных случаях высказываются по поводу связей и образования отдельных основных значений (творительный причыны и творительный источника, или производителя действия, стр. 160 и др.).

В качестве основного объекта исследования выдвигается объем значения и творительного падежа в разные эпохи и в разных славянских языках письменного периода; установление этого объема для периода самостоятельного существования славянских языков даст материал и для характеристики употребления падежа в праславянском языке (стр. 25—26).

С. Б. Бернштейн разграничивает понятия значения и функции падежа. Первое определяется в словосочетании, второе — в предложении. Значение и синтаксическая функция тесно связаны. В истории падежной системы нередко изменение синтаксической функции определяло важные изменения грамматического значения и наоборот» (стр. 28). Нам кажется, что изменения начинаются всегда со значения, ими обуславливается приобретение формой новой синтаксической функции. А поскольку значение падежной формы определяется в словосочетании, исходным моментом подобных изменений является изменение лексического состава словосочетаний (круга лексики, принимающей форму данного падежа при сохранении старого состава управляющих слов, или круга управляющей лексики).

Определяя специфику сравнительно-исто-

рических исследований в области падежного синтаксиса, автор останавливается на необходимости учета синонимических отношений, постоянно существующих между отдельными падежными формами и предложными сочетаниями и создающих возможность вытеснения тех или иных форм в известных значениях. Вообще предложное управление в славянских языках расширяется, «охватывая все новые и новые значения и синтаксические конструкции» (стр. 32). Наименее устойчивыми оказываются те беспредложные конструкции, которые заменяются предложными с сохранением той же падежной формы. Подобные случаи, по-видимому, имели место в употреблении всех косвенных падежей (помимо упомянутых С. Б. Бернштейном, укажем еще на вытеснение родительного-отложительного материала, родительного-отложительного с местным значением, винительного направления). Что касается взаимоотношений беспредложных форм с предложными в случае различия в падеже, то здесь нередко устанавливаются особые оттенки значений, и это способствует сохранению беспредложных конструкций. В сфере творительного падежа таким способствующим фактором является и его склонность к адвербиализации (стр. 34—35).

Следующие главы посвящены отдельным значениям творительного падежа в славянских языках. Вне исследования остается предикативный и полупредикативный творительный, связанный с совершенно особым кругом проблем.

Творительный социативный (гл. II, автор — Д. С. Станишева) распределяется прежде всего по двум разделам — в зависимости от отсутствия или наличия предлога. Случаи беспредложного творительного социативного отмечены главным образом в памятниках старославянского языка, причем совершенно единичными примерами представлено собственно социативное значение, — обыкновено наличествует производный оттенок значения образа действия. Случаи пропуска предлога с перед словами, начинающимися с этого звука (некоторые старославянские, древнечешские, древнепольские примеры, стр. 42—43), настолько не показательны, что, как мы полагаем, могли бы и не приводиться в данном разделе. Из современных славянских языков творительный социативный (с производными значениями времени и образа действия) встречается лишь в сербскохорватском языке. Весьма подробно анализируется предложный творительный социативный с его многочисленными производными подтипами (взаимного действия, образа действия, качественной характеристики и т. д.). Анализ социативного творительного в целом не вызывает особенных замечаний. Остановимся лишь на некоторых неточностях.

Судя по тому, что Д. С. Станишева говорит о конструкциях с числительными

и существительными в местном падеже с предлогом *о* (*стол о трех ножках*, стр. 67), она не относит к «творительному социативному качественной характеристики» случаев типа *дом с двумя башенками* и т. п., в славянских языках весьма обычных, — по-видимому, как случаи количественной характеристики. Однако принципиальная разница в значении творительного падежа в подобных случаях едва ли имеет место: количественную характеристику получает в первую очередь предмет, название которого стоит в творительном падеже, а все словосочетание в творительном падеже с предлогом с дает господствующему понятию все же качественную характеристику. Кстати, среди примеров творительного социативного качественной характеристики, видимо, по ошибке, приводится один случай с числительным: укр. *уродила жінка дитину з трома головами* (стр. 65). На стр. 68 творительный падеж в ст.-слав. и *извлачиша трьстиѣ съ плътиѣжъ Къго* (Супр.) никак не может определять предмет по его содержанию: это скорее творительный сопровождающего предмета.

В связи с подгруппой творительного социативного косвенного объекта отметим, что здесь объединяются случаи совершенно различного происхождения. При глаголах *быть, случаться, приключаться* творительный падеж исторически пришел на смену дательному (кстати, управление дательным падежом следует видеть в приводимом на стр. 72 примере: *Ну, Аннушка, что будет мне с тобою...* — не совсем правильная конструкция, в значении ... *нам с тобою*), чего нельзя сказать о творительном при глаголах *возиться* и т. п.

Творительный инструментальный (гл. III, автор — Д. С. Станишева) распределяется прежде всего по трем группам: творительный орудия, средства и вспомогательного материала; в дальнейшем учитываются переходность и непереходность управляющих глаголов, конкретность и отвлеченность имени в творительном падеже и некоторые другие моменты. Автор раздела совершенно справедливо указывает на вытеснение творительного средства в большинстве случаев различными предложными конструкциями. Однако приводимые на материале русского языка примеры замены старого творительного средства от названий лиц мало показательны: предлог *през* (стр. 95, Густинск. лет.) для русского языка вообще не характерен, предлог *через* с винительным падежом (там же, пример из Л. Толстого) возможен в соответствии с древним творительным лишь в весьма ограниченном количестве случаев [ср. невозможность конструкции *с через* в случаях типа *многими людьми в тюрьму его оттащили* (стр. 94) и под.]. Следовало бы отметить, что в современном русском языке в соответствии с творительным средством от названий лиц применяются главным образом конструкции с предлогами нового образо-

вания, например *посредством*, или же вообще меняется строй предложения.

В связи с рассмотрением небольшой подгруппы «творительного материала, из которого что-либо сделано» (стр. 107—109), весьма редкого уже в древних славянских языках, отметим, что нет никакой необходимости относить процесс его вытеснения в праславянскую эпоху (см. стр. 109, 127, 353): в славянских языках он едва ли играл когда-нибудь заметную роль, будучи случайным ответвлением инструментального творительного падежа при постоянном господстве отложительных конструкций для выражения этого значения. Попутно укажем, что значение материала, «из которого что-либо сделано», представляется весьма сомнительным при глаголе *родиться* (др.-сербск. *плотию раждается; раждается из отроковицы*, стр. 108). Пример: ... *сдѣлан мѣхомъ...* (стр. 108) взяты из памятника XVII в., следовательно, в этот период творительный данного типа в русском языке еще был возможен. К инструментальному творительному падежу примыкают творительный образа действия (инструментальный) и творительный тавтологический.

Следующая глава (IV, автор — К. И. Ходова) посвящена творительному падежу в страдательных конструкциях и безличных предложениях, иначе — творительному логического субъекта и источника действия. Относящийся к этому разделу материал излагается несколько иначе, чем материал предшествующих разделов: не по эпохам (древние языки — современные языки), но по отдельным языкам, начиная с древнего и кончая современным состоянием. Впрочем и при таком порядке изложения создается достаточно полное представление о развитии соответствующего типа творительного падежа. Среди синонимических конструкций, конкурирующих в славянских языках с творительным логического субъекта (родительный падеж с *от*, *у*, винительный с *через*), отмечается и своеобразная конструкция *по* + местный падеж сербскохорватских говоров (стр. 136). Относительно *от* + родительный падеж в значении логического субъекта автор приходит к выводу, что эта конструкция живому русскому языку в письменный период его истории не была свойственна (стр. 139). Отметим фактическую ошибку: в примере из Фрейзингенских отрывков... *v cesarstvo svoje, eže jest ugotovleno iskonni dokonni izvolenikom božiem* (стр. 134) — не творительный, но дательный падеж («приготовлено кому?»).

Творительный причины (гл. V, автор — К. И. Ходова) постепенно вытесняется предложными конструкциями во всех славянских языках, за исключением чешского (литературного), где он по-прежнему широко употребителен. Рассматриваются случаи адвербиализации творительного причины. Затрагивается и

вопрос о предložно-падежной синонимике при выражении причинного значения; однако вследствие исключительной многообразности способов выражения причины в славянских языках автор раздела, естественно, не может проследить в подробностях взаимодействие предложных конструкций и творительного причины. В перечислении средств выражения причины в русском языке отсутствует предлог *из-за* с родительным, в украинском *через* с винительным (стр. 177—178). Отметим, что в ст.-слав. *по скрѣби дѣнии тѣхъ. слѣньце мръкнеть...* (Мар.) (стр. 176) местный падеж с предлогом *по* выступает в значении времени («после»), а не причины.

Творительный превращения и сравнения (гл. VI, автор — К. И. Ходова), а также творительный с овокупности (гл. VII, автор — Д. С. Станисева) особенных замечаний не вызывают.

Творительный ограничения (гл. VIII, автор — М. А. Гадолина) распределяется по трем группам случаев в зависимости от характера управляющего слова: приадективный, присубстантивный и приглагольный. Устанавливается связь последней группы с инструментальным творительным падежом. Из неточностей в этом разделе отметим помещение нескольких случаев приадективного творительного падежа в подгруппе творительного при страдательных причастиях (при *прожиточень, увѣчна*, стр. 214).

Творительный времени (гл. IX, автор — Л. С. Малаховская) выступает в двух основных видах: творительный, обозначающий действие, и творительный, обозначающий время как момент. Первый тип (*и днем однемъ перемчали девяносто верст...*, стр. 226) представлен немногочисленными случаями, почти исключительно в памятниках древних славянских языков. Отмечая, что творительный заполненного отрезка времени во всех славянских языках выходит из употребления, Л. С. Малаховская в качестве заменяющих его грамматических средств приводит беспредложный винительный и винительный с предлогом *через* (стр. 228—229). Однако беспредложный винительный в русском языке, по-видимому, так же как и в других славянских языках, вовсе не приходит на смену творительному падежу времени. Всем приведенным в разделе случаям древнего творительного падежа (за исключением одного примера из древнечешского языка) соответствует винительный падеж с предлогом *за* (*за один день проехали девяносто верст, построят за три дня, сделает за день и т. п.*) или с предлогом *на* (*на миг прищурить глаза*). Л. С. Малаховской следовало обратить больше внимания на грамматические свойства глаголов, при которых выступают беспредложный винительный и творительный заполненного отрезка времени. Беспредложный

винительный падеж используется в первую очередь при глаголах несовершенного вида, ср. *над стенью и зиму и лето висела мела...* (стр. 227). Условием его употребления при глаголах совершенного вида является, по-видимому, отсутствие при подобных глаголах винительного падежа прямого дополнения, ср. польск. *kobieta przeleżała nos i następny dzień* (стр. 228). Что касается творительного времени, то он применялся в первую очередь или почти исключительно при глаголах совершенного вида, притом независимо от наличия или отсутствия прямого дополнения. Отметим попутно, что в примерах из современного русского языка: *Тот же день он стал хлопотать об отпуске. Я решил тот же час отправиться в Оренбург* (стр. 227) — винительный падеж обозначает время как момент, а не как заполненный действием отрезок; такое же значение выражал винительный падеж *вечер* (*Был тулун... заложил вечер у целовальника*, стр. 228), давно уже превратившийся в наречие.

Более последовательно рассматривается творительный времени второго типа («время как момент»). Л. С. Малаховская устанавливает некоторое расширение круга существительных, способных выступать в этой форме, по сравнению с древними славянскими языками. Следует указать, что среди синонимических средств падежного синтаксиса, выступающих в славянских языках, не упоминается довольно обычный в древнерусском языке родительский времени. Ср.: *той же зимы преставися посадник Кириль...* Новг. 1 лет. мл. изв., 1410 г.¹ Отметим, что творительный падеж *путем* в др.-русск. конструкции *Ярополь же Иаяславич тогда разболбся путем ида...* (стр. 233) сам по себе не выражает времени; значение времени передается деепричастным оборотом, в состав которого входит творительный падеж.

Творительный места беспредложный (гл. X, автор — А. М. Булыгина) рассматривается в трех подгруппах, выделяемых в зависимости от значения слова, стоящего в творительном падеже, и значения управляющего глагола: творительный пересекемого пространства, пересекемого пространства и отверстия. Означенно такие подвиды творительного места не выделяются; однако А. М. Булыгина убедительно показывает, что по славянским языкам эти подвиды имели различную синонимичу и отчасти различную судьбу. Отмечается особая судьба творительного места в чешском языке, где он получил широкое распространение при глаголах нецеленаправленного движения (ср. совр. чешск.: *vlakem chodil voják*, стр. 252).

Предложный творительный места (гл. XI) рассматривается тем же автором по

отдельным предлогам, причем определяются и производные от местных значений (временные, объектные, причинные и др.). Отметим некоторые неточности. Др.-русск. *поставиша... полкъ за Рождеством Христовом* (стр. 274), судя по контексту, обозначает не время, но место (имеется в виду церковь Рождества); это действительно и в отношении примера *...между святым Рождеством и Духом святым* — Пск. лет., 26 (стр. 280) — определяется место, находящееся между двумя псковскими церквами. Вообще, конечно, предлог *между* с творительным падежом мог иметь временное значение уже в древнерусском языке. В нижеследующем примере предлог *над* с творительным падежом употребляется не столько в значении времени, сколько в значении «кроме того» или «сверх того»: *еще же надъ тѣмъ приняли есте нашего ворага...* Моск., 241 (стр. 286; контекст содержит перечисление нанесенных обид, к которым присоединяется еще «принятие ворага»).

Выделение в особую главу (гл. XII, автор — М. А. Гадолина) творительного при отглагольных именах существительных и приадективного творительного ограничения несколько нарушает систему изложения (присубстантивный и приглагольный творительный ограничительный рассматривался в гл. VIII). Творительный присубстантивный беспредложный в настоящее время распространен главным образом в книжной речи; более широкое применение находит при отглагольных именах предложный творительный падеж. Творительный приадективный широко употребляется в южных и восточнославянских языках (но главным образом при прилагательных, входящих в состав сказуемого) и, как полагает М. А. Гадолина, возник еще в праславянскую, или даже более раннюю, эпоху (стр. 312).

Особый раздел (гл. XIII, автор — Т. С. Тихомирова) посвящен процессу адвербиализации творительного падежа на материале польского языка.

В заключительной главе (XIV) подводятся некоторые общие итоги.

Обращаясь к работе в целом, мы можем отметить, что она дает довольно полное представление о развитии значений и непредикативных функций творительного падежа в славянской языковой группе. Полагаем, что методика исследования и основы классификации случаев употребления творительного падежа были выбраны правильно. Именно в силу специфики творительного падежа, исключительно богатого значениями и склонного к адвербиализации, материал не мог быть успешно сгруппирован по синтаксическим функциям падежной формы. Представляется вполне оправданным и отсутствие особого раздела, посвященного творительному образу действия: этот вид творительного падежа исключительно р

¹ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», М.—Л., 1950, стр. 402.

происхождению и до сих пор пополняется за счет самых различных его значений.

Принципы выделения отдельных значений, основных и производных, и группировки случаев употребления, нашедшие отражение в исследовании творительного падежа, в значительной мере могут быть использованы и при анализе других падежей. Однако творительный падеж в общем менее тесно связан с господствующими словами, чем такие падежи, как винительный и дательный, характеризующиеся более сильным управлением; поэтому при определении значений творительного падежа большую роль играет лексическое (или лексико-грамматическое) значение слова, принимающего форму творительного падежа.

Исследование падежных значений в условиях тщательного учета существующей синтаксической синонимии на данном этапе сравнительно-исторических исследований является уже совершенно необходимым требованием методического характера. Однако подробный анализ взаимодействия падежной формы и ее синонимов в различные эпохи и в разных языках не всегда возможен. Весьма затруднителен, например, анализ взаимоотношений творительного времени с различными иными средствами выражения этого значения (случаи выражения временного значения формой творительного падежа, вероятно, ни в одном славянском языке никогда не составляли более 5% в системе прочих средств предложно-падежного синтаксиса). Подробный и всесторонний анализ синтаксических синонимов с позиций одного определенного падежа необходим, надо полагать, в тех случаях, когда исследуются типичные значения этого падежа, мало свойственные другим предложно-падежным конструкциям в системе данного языка (например, значения инструмента, логического субъекта, пути движения — у творительного падежа). Впрочем, само понятие синтаксического синонима еще нуждается в уточнении.

Фактический материал в исследовании приведен в достаточном количестве почти по всем славянским языкам (лишь белорусский язык представлен сравнительно слабо), хотя выбор источников в отдельных случаях мог бы быть более тщательным. К сожалению, почти всегда отсутствует перевод инославянских примеров на русский язык, что несколько затрудняет использование приводимых данных (особенно в части диалектного материала).

В заключение можно сказать, что несмотря на отдельные недочеты частного порядка, рецензируемый коллективный труд разрешил, как указывалось, ряд важных проблем синтаксиса славянских падежей; очень ценными оказались наблюдения над конкурирующими синонимическими конструкциями и особенно над процессом адвербиализации, характерным для разви-

тия целого ряда грамматических значений творительного падежа, связанным с потерей субстанциональности существительного и ведущим к перемещению его синтаксических связей. При этом славянские языки обнаруживают разнообразные этапы этого процесса.

«Творительный падеж в славянских языках» вполне удачно начинает собою серию сравнительно-исторических исследований в области падежного синтаксиса славянских языков.

А. Б. Прагдин

С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Изд-во АН Казах. ССР.— Алма-Ата, 1957. 197 стр.

Профессор С. Е. Малов — первый тюрколог, который посетил желтых уйгуров (сары жуур) и начал изучение их языка, устного народного творчества и культуры. За время двух своих путешествий в Китай, совершенных более сорока лет назад, им накоплен обширный лингвистический материал. Часть записанного С. Е. Маловым материала после многолетней тщательной обработки издана теперь в виде монографии «Язык желтых уйгуров». Впервые этому чрезвычайно интересному и почти неизвестному языку посвящено обстоятельное исследование — и в этом прежде всего большая научная ценность труда С. Е. Малова. Книга состоит из «Предисловия» (стр. 3—7), «Словаря» (стр. 9—154) и «Грамматики» (стр. 155—194).

В «Предисловии» содержатся сведения о различных группах уйгуров (эти сведения относятся в основном к периоду поездок С. Е. Малова), о главных особенностях желтойуйгурского языка, высказывается мысль о его генезисе. Сведения о том, что «желтых уйгуров приблизительно до 10 тысяч человек» (стр. 3), — не точны. Всего желтых уйгуров насчитывается 3938 человек. Из них около 2000 человек тюркоязычных, приблизительно 1500 человек монголоязычных и, наконец, около 440 говорящих только по-китайски. После установления народной власти в Китае названные группы уйгуров приняли единое государственное наименование жу-ц(г) и вошли как составная часть в Сунань-тогуский автономный уезд, созданный в феврале 1954 г. в составе провинции Гань-су.

«Словарь» С. Е. Малова прекрасно отражает богатую и хорошо сохранившуюся лексику сары жуур'ов. Он содержит названия родов и «костей» уйгуров, географические наименования, мужские и женские имена, названия предметов шаманского ритуала, имена буддийских божеств и многое другое.

Здесь коснусь только некоторых слов: *amei (ahiez)*¹ (стр. 19) означает не только «милый», «милая», «маленький», но и «де-

¹ Латинская транскрипция моя.